

ПЕРВОБЫТНАЯ АРХЕОЛОГИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.8.19>

ЮВЕЛИРНЫЕ УКРАШЕНИЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ САМАРКАНДСКОЙ СТОЯНКИ

©2026 г. Н.У. Холматов, О.Т. Эргашев, Е.Е. Воробьева,
Р.Б. Абриев, У.А. Умаров, М.Т. Бердикулов

Украшения верхнего палеолита, такие как бусы и амулеты, являются важнейшим признаком когнитивного и символического развития древних сообществ. Несмотря на значительный прогресс в изучении древнекаменных украшений с точки зрения их происхождения, хронологии, типологии, технологии изготовления и сырьевой базы, на евразийском пространстве в историографии палеолита вопросам изучения древнейших украшений Центральной Азии уделено крайне мало внимания. На наш взгляд, комплексные исследования древнейших украшений Центральной Азии до сих пор носят фрагментарный характер, что во многом обусловлено редкостью соответствующих археологических находок. Одним из ключевых, но все еще недостаточно опубликованных материалов памятников региона является Самаркандская стоянка. Цель данной работы — введение в научный оборот и систематизация доступного фонда украшений Самаркандской стоянки. На основе детального описания морфологии, технологии изготовления и сырьевой базы артефактов, а также с привлечением современных данных о хронологии и семантике палеолитических орнаментов, предлагается предварительная интерпретация их культурного и символического значения. Исследование позволяет по-новому оценить уровень торговых связей, высказать предположения о миграционных путях, определить особенности технологических навыков древних людей на рассматриваемой территории. Данная работа носит характер первой научной публикации коллекции и призвана заложить основу для дальнейшего, более углубленного изучения раннего этапа каменного века.

Ключевые слова: археология, украшения, верхний палеолит, стоянка, Узбекистан, Самарканд, кости, камень, бусы, раковины, символы, перфорация

JEWELRY FROM THE UPPER PALEOLITHIC CAMPSITE OF SAMARKAND

N.U. Kholmatov, O.T. Ergashev, E.E. Vorobeva,
R.B. Abriev, U.A. Umarov, M.T. Berdikulov

Upper Paleolithic jewelry, such as beads and amulets, serves as key indicators of cognitive and symbolic development of the early human communities. Despite significant progress in the study of ancient stone ornaments concerning their provenance, chronology, typology, manufacture, and raw materials, the earliest ornaments of Central Asia have received remarkably little attention in Eurasian Paleolithic scholarship. In the authors' opinion, comprehensive studies of the oldest ornaments of Central Asia are still fragmentary, which is largely due to the rarity of the relevant finds. One of the key, but still insufficiently published, monuments of the region is the Samarkand campsite. This paper aims to introduce the jewelry from the Samarkand campsite into scientific discourse and provide a systematic preliminary analysis of its morphology, manufacturing techniques, and raw materials. Additionally, it offers a preliminary interpretation of its cultural and symbolic significance based on a detailed description of these artifacts, as well as current data on the chronology and symbolism of Paleolithic ornaments. This research provides a new perspective on the extent of exchange networks, potential migration routes, and the technological skills of ancient populations in the region. This study serves as the first research publication of this assemblage and seeks to provide a foundation for further, more comprehensive investigation of the Upper Paleolithic in Central Asia.

Keywords: archaeology, jewelry, Upper Paleolithic, campsite, Uzbekistan, Samarkand, bones, stone, beads, shells, symbols, perforation.

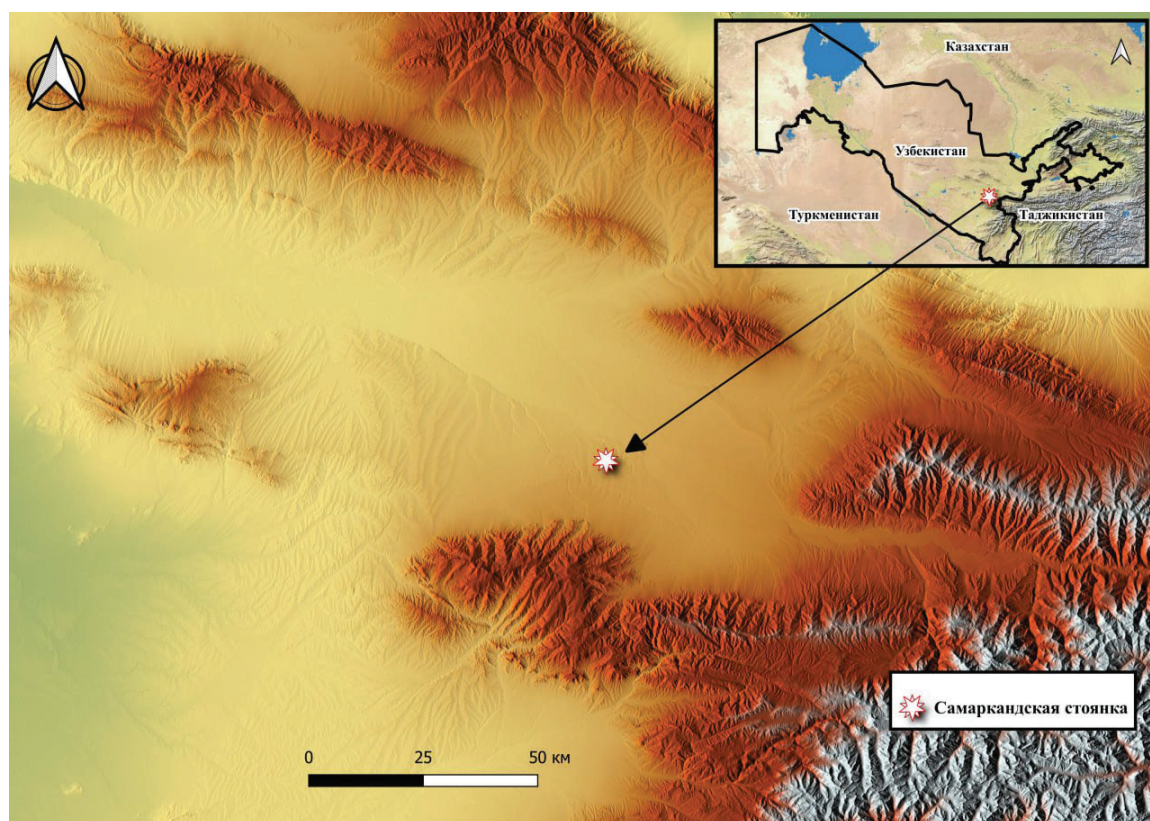

Рис. 1. Самаркандская стоянка.

Fig. 1. Samarkand campsite.

Введение

Изучение древнейших украшений давно перестало быть периферийной темой в археологии палеолита. Эти артефакты рассматриваются как прямой источник информации о сложных формах поведения, включая развитие абстрактного мышления, символической коммуникации, социальной дифференциации и обменных сетей (D'Errico et al., 2005; Kuhn, Stiner, 2007; Vanhaeren, 2010). Дискуссия о времени и причинах возникновения, по сути, ювелирного дела остается одной из наиболее динамичных в мировой археологической науке. Если ранее её истоки однозначно связывали с верхним палеолитом Европы, то открытия последних десятилетий (перфорированные раковины в Северной Африке и на Ближнем Востоке, относящиеся к среднему палеолиту и даже к ашеллю) кардинально изменили эту парадигму (Henshilwood et al., 2004; Bouzouggar et al., 2007; Bar-Yosef Mayer et al., 2020). Сегодня очевидно, что традиция изготовления и использования украшений имеет глубокие корни и, вероятно, возникала неоднократно и независимо в разных группах *Homo sapiens*, а возможно, и у других видов рода *Homo*.

В этом контексте регион Центральной Азии, являвшийся коридором для расселения и взаимодействия древних популяций, представляет исключительный интерес. Однако в силу ряда причин (включая фрагментарность археологической летописи и исторически сложившиеся приоритеты исследований первобытной археологии) комплексные работы, посвященные палеолитическим украшениям региона, практически отсутствуют. Существующие публикации носят, как правило, обзорный характер (Robert G. Bednarik, 2016), а сами артефакты часто остаются неописанными в соответствии с современными стандартами (отсутствие метрических данных, трасологических наблюдений, точного определения сырья).

В данной ситуации особую ценность приобретает каждая новая коллекция. Самаркандская верхнепалеолитическая стоянка — эталонный памятник центральноазиатского региона, на котором, в отличие от других стоянок Узбекистана, был обнаружен многочисленный, но выразительный набор украшений: каменные и костяные бусы, перфорированные раковины, гравированные предметы. Очень

важно понимать, что изготовление даже самого примитивного предмета требовало от древнего человека не только физических навыков, но и способности к планированию, прогнозированию и абстрактному мышлению. Необходимо было представить конечный результат, выбрать подходящий материал, разработать технологию обработки и реализовать задуманное.

Несмотря на свою уникальность, эти находки Самаркандской стоянки до сих пор не стали предметом специального исследования, а их публикации в ранних работах (Лев, 1960; 1961, с. 108; 1964а; 1964 б; 1972; Джуракулов, 1972, 1987, 1992, 2000) ограничиваются краткими упоминаниями. Таким образом, основная проблема заключается в пробеле между значительным потенциалом этой коллекции как исторического источника и её фактическим отсутствием в актуальной научной дискуссии.

Методы и материалы

Самаркандская стоянка была обнаружена археологом Самаркандского краеведческого музея Н.Г. Харламовым в 1939 г. в бассейне р. Зеравшан. Она занимает правый берег сая Чашмасиаб в черте г. Самарканда (рис. 1).

В 1940 г. на вновь открытой стоянке первые полевые исследования были проведены М.В. Воеводским (Воеводский, 1940). Тем не менее систематические исследования Самаркандской стоянки начались лишь в 1958 г. под руководством Д.Н. Лева. На протяжении 1958–1969 гг. Д.Н. Лев совместно с сотрудниками Института археологии Академии наук Республики Узбекистан Н.Х. Тошкенбаевым и Р.Х. Сулеймановым проводил раскопки Самаркандской стоянки. В результате было вскрыто и исследовано 783 кв. м культурного слоя памятника, выделено три основных археологических горизонта, обнаружено 11 456 артефактов: каменные орудия, многочисленные кости диких животных, следы костров, остатки природной красной охры, а также остатки жилых сооружений (Лев, 1960; 1961, с. 108; 1964а; 1964 б; 1972).

В 1969–1972 гг. раскопки продолжил археолог М.Д. Джуракулов, который сумел достичь значительных результатов (Джуракулов, 1972). Им были не только открыты и исследованы новые участки стоянки, но и уточнена стратиграфия культурных слоёв, но и обнаружены редкие находки, включая антропологические

останки и украшения из кости, раковин и зубов животных и т.п. Это позволило по-новому взглянуть на духовный и эстетический мир древнего населения самаркандского региона (Джуракулов, 1992, с. 47).

В ходе полевых исследований Р.Х. Ташкенбаева и Н.Х. Сулейманова на территории Самаркандской стоянки было найдено около 20 овальных предметов, в каждом из которых имелось небольшое сквозное отверстие (Ташкенбаев, Сулейманов, 1980). По мнению специалистов, эти предметы являлись элементами женского украшения – бус. Кроме того, на стоянке были найдены два круглых, одинаковых по размеру тонких белых галечных камня. В центре одного из них было зафиксировано отверстие. По предположению специалистов, это могли быть каменные амулеты, предназначенные для ношения в волосах или на шее. Два подобных круглых амулета являются полуфабрикатами – их отверстия не были полностью просверлены.

Еще одна важная особенность полевых исследований Самаркандской стоянки Р.Х. Ташкенбаевым и Н.Х. Сулеймановым заключается в том, что ими также были обнаружены древнейшие находки, связанные с искусством и религиозными представлениями, в частности плоский камень, предназначенный для приготовления красной охры, и фрагмент кости животного с нанесёнными на поверхность линиями (рис. 2:2; Табл. 1; Ташкенбаев, Сулейманов, 1980, с. 91).

Следует отметить, что данные артефакты в настоящее время не локализованы в музейных коллекциях и, как результат, не могли быть включены в непосредственный анализ. Таким образом, репрезентативность настоящего исследования определяется именно детальным изучением доступных (9 экз.) предметов, каждый из которых является эталоном для своего типа.

Всего за весь период археологического изучения Самаркандской стоянки общая исследованная площадь составила 950 кв. м (Коробкова, Джуракулов, 2000, с. 388–389).

Основу настоящего исследования составила коллекция украшений Самаркандской стоянки, доступная для непосредственного изучения в фондах археологического музея Самаркандского государственного университета. В анализ включены артефакты, имеющие четкую археологическую привязку

Рис. 2. Украшения Самаркандской стоянки: 1, 3, 8 – бусины; 4, 6 – раковины; 2, 5, 7, 9 – гравированные и символические предметы.

Fig. 2. Jewellery from the Samarkand campsite: 1, 3, 8 – beads; 4, 6 – shells; 2, 7, 9 – engraved and symbolic items.

к культурным слоям памятника. Всего было изучено девять предметов (рис. 2), которые по типологии делятся на три основные категории: бусины (каменные и костяные), подвески из раковин и гравированные предметы.

Для каждого артефакта проведена следующая процедура документации и анализа:

Макрофотография и морфометрический анализ. Каждый предмет сфотографирован в масштабе 1:1 на контрастном фоне с использованием масштабной линейки. Измерены основные параметры: длина, ширина, толщина, диаметр отверстия (где применимо) с точностью до 0,1 мм.

Микроскопическое исследование. Для изучения технологических следов обработки (резки, сверления, шлифовки) и следов износа (потертости, патина) использован бинокулярный микроскоп с увеличением до $\times 60$. Следует отметить, что особое внимание уделялось характеру краев отверстий и поверхности артефактов.

Атрибуция сырья. Определение сырья проводилось визуально, с учетом макро- и микроскопических характеристик материала. Для раковин отмечены общие морфологиче-

ские признаки, однако точная видовая идентификация требует отдельного малакологического анализа.

Все полученные данные сведены в единую каталогизированную таблицу (Табл. 1).

Следует отметить, что выборочный характер сохранившейся коллекции не позволяет провести полноценный статистический анализ всего массива когда-либо найденных украшений. Это, в свою очередь, накладывает отпечаток на интерпретацию материала в некоторых аспектах. В частности, интерпретации, касающиеся сырья раковин и дальних связей, носят предварительный характер и должны быть проверены в будущем методами малакологии и петрографии.

Результаты и обсуждение

Украшения Самаркандской стоянки выполнены с применением нескольких технологических операций.

Костяная цилиндрическая бусина (рис. 2:1, Табл. 1) изготовлена из компактной ткани трубчатой кости. Её изготовление требовало последовательного выполнения следующих операций: раскалывание кости, формовка цилиндра и двустороннее коническое сверле-

Таблица 1. Украшения Самаркандской стоянки
Table 1. Jewellery from the Samarkand campsite

форма / тип артефакта (номер на рис.)	Сырье	Размеры (Д×Ш×Т), мм / Диаметр отверстия, мм	Технологические наблюдения	Сохранность
Группа I: БУСИНЫ				
Цилиндрическая (рис.2:1)	Кость (среднее млекопитающее?)	8.2×5.5×4.8 / Ø 2.1-2.3	Отверстие коническое, просверлено с двух сторон. Поверхность интенсивно заглажена, следы продольной шлифовки.	Удовл.
Овальная 1 (рис.2:3)	Мягкий камень (мергель?)	6.5×4.8×3.1 / Ø 1.8	Отверстие цилиндрическое, одностороннее сверление. Края отверстия сглажены. Поверхность подвергалась минимальной обработке.	Скол с одной стороны
Овальная 2 (рис.2:8)	Мягкий камень (мергель?)	7.1×5.2×3.5 / Ø 2.0	Аналогично овальной 1. На поверхности видны естественные трещины породы.	удовл
Группа II: ПЕРФОРИРОВАННЫЕ РАКОВИНЫ (ПОДВЕСКИ)				
Подвеска 1 (рис.2:4)	Раковина (род <i>Cypraea</i> ?)	22.8×15.3×9.5 / Ø 3.0 (на узком конце)	Технология перфорации аналогична подвеске 2. На спинке раковины микроскопические царапины, возможно, от трения о шнур.	удовл
Подвеска 2 (рис.2:6)	Раковина (род <i>Cypraea</i> ?)	25.4×16.7×10.2 / Ø 3.5 (на узком конце)	Отверстие пробито (?) с внутренней стороны раковины, края неровные, частично сколоты. Естественный глянец поверхности сохранен, следов искусственной полировки нет	удовл, естественные повреждения устья.
Группа III: ГРАВИРОВАННЫЕ И СИМВОЛИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ				
Фрагмент кости (рис.2:2)	кость	81.3×18×5.7	На одной из сторон сохранились массивные следы растирания красной охры (яркий красный пигмент).	неудовл. (фр-т)
Фрагмент ребра животного с гравировкой (рис.2:5)	Кость (крупное копытное?)	84.5×21.3×8.7	На плоскую сторону нанесено пять параллельных коротких насечек красной охрой. Линии четкие, выполнены острым предметом. Охра сохранилась в углублениях.	неудовл. (фр-т)
Амулет (полуфабрикат) (рис.2:7)	Речная галька (?)	31.2×28.5×5.8 / незавершенное отверстие (глубина ~2 мм)	В центре заготовки начато двустороннее сверление. Следы сколов по краям будущего отверстия. Остальная поверхность предмета не обработана.	неудовл. (фр-т)
Галька-амулет (рис.2:9)	Речная галька (?)	30.5×29.1×6./ Ø 4.0 (центральное)	Отверстие полностью просверлено, двустороннее, коническое. Края отверстия зашлифованы.	Удовл.

ние отверстия диаметром 2,1–2,3 мм. Интенсивное заглаживание поверхности и сглаженные края отверстия указывают на длительное использование в качестве либо подвески, либо элемента бус. Подобная технология двустороннего сверления известна в позднем палеолите Восточной Европы и Сибири (Синицын, 2016, с. 325), что может свидетельствовать о распространении общих технологических навыков.

В контрасте с вышеуказанной практикой изготовления украшений из кости каменные овалы бусины (рис. 2: 3, 8; Табл. 1, бусина овальная 1,2 2,3) из мягкого камня (вероятно, мергеля) представляют иной принцип. Основное внимание сконцентрировано на создании отверстия (использование одностороннего сверления) и, судя по характеру краев, сохранении естественной формы. Минимальная обработка поверхности, помимо сверления, позволяет отнести их к категории «бусин с естественной формой», где основное технологическое усилие было направлено именно на создание отверстия для нанизывания. Разница в технологиях обработки кости и камня может указывать на разные функциональные или символические значения этих предметов.

Процесс производства от заготовки до готового изделия демонстрируют амулеты из галек (рис. 2: 7, 9; Табл. 1). Полуфабрикат (рис. 2: 7) с незавершенным двусторонним сверлением (Лев, 1972, с. 24) показывает начальную стадию процесса. Использование для этой цели специально отобранных плоских галек из кварцита указывает на эстетический выбор сырья. Подобные предметы могли выполнять функции личных амулетов или подвесок, а их миниатюрный размер и тщательность изготовления подчеркивают нематериальную ценность.

Особый интерес вызывает фрагмент ребра с пятью насечками (рис. 2: 5; Табл. 1). Насечки нанесены острым предметом и заполнены красной охрой. Регулярность и расположение линий исключают их утилитарное происхождение (например, разделка туши). Наиболее вероятные интерпретации – это счетные метки или символические знаки, возможно связанные с календарными или ритуальными практиками, что находит параллели на ряде палеолитических памятников Сибири (Деревянко и др., 1994, с. 47).

Наиболее дискуссионными являются две раковины-подвески (рис. 2: 4, 6; Табл. 1, подвеска 1,2), имеющие ключевое значение для реконструкции культурных и торговых связей. Подвески из раковин изготовлены методом перфорации (единичный скол/пробивка с внутренней стороны на узком конце), который характерен для ранних этапов использования раковин в качестве украшений и отличается от более позднего аккуратного сверления (D'Errico et al., 2005). Морфология раковин-подвесок (овальная форма, закрученная спираль, гладкая поверхность) позволяет предварительно отнести их к роду *Cypraea* (каури). Ближайшее естественное местообитание таких моллюсков – побережье Индийского океана (Умаров, 2025, с. 93). Однако, прежде чем однозначно делать выводы о «морском» происхождении и «дальних торговых связях», необходимо рассмотреть альтернативные гипотезы:

1. Использование местных ископаемых (субфоссильных) форм. В четвертичных отложениях региона могли встречаться ископаемые раковины морских моллюсков, вымытые реками и доступные для сбора без необходимости дальнего обмена. В частности, в 1965 г. подобная раковина была найдена также на улице Дахбет в г. Самарканде на глубине 6 м от дневной поверхности. Здесь же были обнаружены орудия труда из кремня, относящиеся к эпохе верхнего палеолита (Ташкенбаев, Сулейманов, с. 93).

2. Использование пресноводных моллюсков. Некоторые виды пресноводных моллюсков (например, из родов *Theodoxus* или *Melanopsis*) имеют прочные и эстетически привлекательные раковины, которые могли использоваться для изготовления подвесок. Их перфорация известна на ряде неолитических памятников региона.

Таким образом, тезис о прямых связях бассейна р. Зеравшан в окрестностях современного г. Самарканда с побережьем Индийского океана, хотя и остается интригующей возможностью, не может считаться окончательным без строгой верификации. Окончательный выбор в пользу той или иной гипотезы будет возможен только после точной видовой идентификации и установления происхождения самих раковин. Тем не менее, если идентификация украшений как *Cypraea sp.* подтвердится, это станет серьезным аргу-

ментом в пользу существования дальних обменных связей. В этом случае самаркандские украшения могли бы рассматриваться в одном ряду с транспортировкой раковин на большие расстояния в верхнем палеолите Евразии (например, средиземноморские раковины в Центральной Европе).

Детальный анализ артефактов не только фиксирует высокий уровень технологического мастерства древних жителей стоянки, но и позволяет выдвигать гипотезы об их социальной организации, символическом мышлении и интеграции в обширные культурные ареалы Евразии.

Явный контраст между тщательно изготовленными предметами (костяная бусина, галечный амулет) и простыми каменными бусинами позволяет предположить возможность зарождения элементов социальной дифференциации. Высокотехнологичные и потенциально экзотические украшения (такие как раковины каури) могли выступать в роли престижных маркеров, обозначая особый статус, авторитет или ритуальную роль их владельцев в рамках общины. Однако эта гипотеза остается предварительной в силу неполноты контекста находок и утраты части артефактов, что не позволяет реконструировать их связь с конкретными индивидами или зонами памятника. Наличие подобных предметов указывает не только на личные предпочтения, но и на формирование социального языка, в котором материальные объекты становятся средствами коммуникации и выражения положения индивида. Альтернативно, это разнообразие может отражать разный функциональный контекст: простые бусины предназначались для повседневной носки, в то время как сложные артефакты использовались в особых, церемониальных обстоятельствах или выполняли функции сакральных амулетов, наделенных защитной или магической силой. Предположение о том, что украшения изготавливались преимущественно для женщин, находит косвенное подтверждение в образах «палеолитических Венер» Евразии, где детально изображены элементы убора (Деревянко и др., 1994, с. 229). Однако, на наш взгляд, прямая проекция этих данных на самаркандские материалы была бы некорректна.

Прямым свидетельством развитой символической деятельности является фрагмент

ребра с насечками, заполненными красной охрой (рис. 2: 5, Табл. 1). Регулярность и неутилитарный характер этих меток указывают на их знаковую или счетную функцию, возможно связанную с календарными наблюдениями, ритуальными циклами или сакральными подсчетами. Само применение охры – пигмента, повсеместно в палеолите ассоциировавшегося с жизненной силой, кровью, трансформацией и сакральной сферой, – подчеркивает ритуализированный характер действия. Этот артефакт материализует абстрактное мышление и стремление фиксировать информацию, выходящую за рамки непосредственных хозяйственных нужд.

Разнообразие сырьевой базы коллекции (местная кость и галька, мягкий камень, потенциально экзотические раковины) отражает разные механизмы ее формирования и может указывать на сложную экономику ресурсов. Использование местных материалов свидетельствует о прекрасном знании окружающей среды и навыках ее освоения. В то же время наличие раковин, предположительно морского происхождения, ставит вопрос о характере культурных связей (Ртвеладзе, 1993, с. 62). Их присутствие может быть интерпретировано либо как результат дальних обменных сетей, связывавших Среднюю Азию с отдаленными регионами (например, побережьем Индийского океана), что подразумевает развитые социальные контакты, либо как использование местных ископаемых форм. В любом случае целенаправленный отбор и обработка такого сырья подчеркивают его особую культурную и, вероятно, символическую ценность.

Уровень изучения ювелирных изделий из памятников верхнего палеолита Сибирского региона, который генетически считается относительно близким к палеолиту Центральной Азии, достаточно высок. Известно, что к верхнему палеолиту широко распространились такие методы, как полировка, шлифовка, прокалывание и сверление, при изготовлении предметов из камня и органических материалов. В результате стало возможным изготовление личных украшений, таких как бусы, браслеты, амулеты и кольца. Техника и технология изготовления таких предметов, обнаруженных на стоянке Малая Сия в Сибири, хорошо изучены (Лбова и др., 2014, с. 92). Технология изготовления бусин из скорлупы страусиных яиц, найденная на стоянке Усть-

Кяхта в Западном Байкале, свидетельствует о том, что технологические достижения людей верхнего палеолита значительно опережали предыдущие периоды (Зоткина и др., 2018, с. 181–197).

Технологические и стилистические особенности самаркандских находок не являются изолированным феноменом, но вписываются в широкий контекст верхнего палеолита Евразии. Такие технические приемы, как двустороннее коническое сверление кости и нанесение геометрических гравировок, находят прямые аналоги в индустрии Южной Сибири и Восточной Европы (Солдатова, 2014, с. 293–295). Например, палеолитические находки Сибири украшены различными орнаментами, в частности параллельными и косыми насечками, рядами точек, изображениями в виде «ёлочки», зигзагов, крестов и сетчатых узоров (Деревянко и др., 1994, с. 47).

Принцип изготовления галечных подвесок через стадию стандартизированного полуфабриката известен на памятниках Иранского нагорья (Вишняцкий, 2010). Эти параллели не обязательно свидетельствуют о прямых миграциях или заимствованиях, но четко демонстрируют, что население Самаркандской стоянки существовало в едином информационно-технологическом пространстве. Оно было частью обширной позднепалеолитической ойкумены, где схожие культурные потребности – такие как необходимость в социальной маркировке, символическом выражении идентичности и мировоззренческих концепций – закономерно порождали схожие материальные решения и технологические ответы. Несомненно, простая констатация технологических параллелей с сибирскими материалами (Малая Сыя, Усть-Кяхта) требует более глубокого осмысления. Также сходство в приемах сверления или нанесения гравировки может быть следствием разных процессов: миграции населения, диффузии идей через контактные зоны или же конвергентного развития в сходных адаптивных и социальных условиях. Для Самаркандской стоянки, учитывая ее географическое положение, наиболее вероятным представляется сочетание культурной диффузии и самостоятельного изобретения. Отсутствие на современном этапе исследований прямой типологической и сырьевой преемственности с конкретными сибирскими индустриями скло-

няет нас к гипотезе о том, что общие технологические идеи (например, двустороннее сверление) являлись частью «технологического пакета» верхнего палеолита, который мог распространяться независимо, но в сходной культурной среде. Постановка вопроса о причинах сходства, а не только его фиксация, открывает перспективы для будущих исследований, направленных на различение этих механизмов.

Таким образом, локальная культура проявляла специфику не только в выборе и комбинации сырья, но следовала общим тенденциям эпохи.

Заключение

Самаркандская верхнепалеолитическая стоянка, расположенная в долине Среднего Зеравшана в центре современного города Самарканда, считается одним из ключевых памятников при изучении материальной культуры позднепалеолитических сообществ Центральной Азии и соседних регионов. Несмотря на то, что на этой территории выявлено и исследовано множество стоянок, относящихся к позднему палеолиту, среди найденных на них артефактов сравнительно немного предметов, отражающих духовную жизнь (в частности украшения) каменного века. Согласно исследованиям, на территории Центральной Азии на сегодня исследовано 125 археологических объектов каменного века, на которых обнаружено 1331 экз. украшений. Их них только 10 экз. относятся к позднему палеолиту (1%), 101 экз. – к мезолиту (10,1%), а 1220 экз. – к неолиту (89%) (Умаров, 2025, с. 32).

Проведенное исследование коллекции украшений Самаркандской верхнепалеолитической стоянки, являющейся опорным памятником региона, позволило выйти за рамки простой констатации факта их малочисленности и впервые осуществить её комплексный системный анализ.

Исследования коллекции украшений Самаркандской стоянки показали, что население стоянки в совершенстве владело комплексом навыков обработки разнородных материалов – камня, кости и раковин. Полученные результаты имеют принципиальное значение. Были зафиксированы конкретные технологические стандарты, такие как двустороннее сверление при работе с костью и использование охры в декоративной практике.

Особую научную проблему, требующую решения, ставит вопрос о происхождении сырья для раковин-подвесок, который напрямую связан с реконструкцией дальних культурных или обменных связей. Само наличие этой коллекции, сочетающей, вероятно, предметы повседневного и престижно-ритуального назначения, однозначно свидетельствует о развитой символической деятельности и сложной социальной коммуникации в верхнем палеолите региона.

Итак, исследование переводит палеолитические самаркандские находки из разряда статистического курьёза в категорию важного исторического свидетельства. Это, в свою очередь, определяет направления дальнейшего исследования. Перспективы углубленного изучения видятся в реализации междисциплинарного подхода, включающего абсолютное датирование (AMS), малакологический, трасологический и спектроскопический анализы.

Это позволит дать более точную хронологию, происхождение сырья и детали технологии. Ключевым этапом станет и целенаправленное сравнительное изучение с синхронными памятниками от Южной Сибири до Иранского нагорья, направленное на выявление культурных параллелей и контактов.

В конечном итоге реализация этих задач откроет путь от анализа артефактов к глубокой социокультурной реконструкции. Она позволит определить специфическую роль украшений и символических практик в жизни верхнепалеолитического общества Самаркандского оазиса и более точно оценить его место в общей панораме культурных процессов Евразии в позднем плейстоцене. Данная работа закладывает прочную основу для такого комплексного исследования, демонстрируя, что даже небольшая коллекция при детальном изучении способна стать окном в духовный мир древних сообществ.

ЛИТЕРАТУРА

Вишняцкий Л. Б. К вопросу о направленности культурных изменений в среднем палеолите (на примере Южной Африки) // Археологические вести. Вып. 16 / Гл. ред. Е.Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 190–193.

Воеводский М. В. Обзор полевых археологических исследований в 1939 г. // Вестник древней истории. 1940. № 2 (11). С. 180–197.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994. 290 с.

Джуракулов М. Д. Некоторые итоги археологических исследований Самаркандского Госуниверситета в 1970 г. // Материалы по истории и археологии Узбекистана / Труды СамГУ. Новая серия. Вып. 218 / Отв. ред. К.Х. Самибаев, М.Д. Джуракулов. Самарканд: СамГУ, 1972. С. 68–70.

Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка и проблемы верхнего палеолита в Средней Азии. Ташкент: Фан, 1987. 174 с.

Джуракулов М.Д. Каменный век бассейна Заравшана. Дис. докт. ист. наук в форме научного доклада. Самарканд: Институт археологии АН Узбекистана, 1992. 58 с.

Зоткина Л.В. Павленок Г.Д., Ташак В.И. Технология производства бусин из скорлупы яиц страуса в финальном палеолите Западного Забайкалья // Stratum plus. 2018. № 1. С. 181–197.

Коробкова Г.Н., Джуракулов М.Д. Самаркандская стоянка как эталон верхнего палеолита Средней Азии (специфика техники расщепления и хозяйственно-производственной деятельности) // Stratum plus. 2000. № 1. С. 385–462.

Лбова Л.В, Волков П.В, Долгорукова Н.А, Барков А.В., Ларичев В.Е. Предметы неутилитарного назначения верхнепалеолитического местонахождения Малая Сыя (технологический аспект) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 5: Археология и этнография. С. 91–100.

Лев Д.Н. Стоянка древнего человека // Природа. 1960. № 8. С. 77–78.

Лев Д. Н. Раскопки Самаркандской палеолитической стоянки в 1959–1960 гг. // Материалы 3-й объединенной конференции ученых г. Самарканда. Серия гуманитарных и общественных наук. Самарканд. 1961. С. 108–110.

Лев Д.Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде: Исследования 1958–1960 гг. // Труды СамГУ. Новая серия. Вып. 135 / Ред. М.У. Аминов. Самарканд: СамГУ, 1964а. С. 47–49.

Лев Д.Н. Поселение древнекаменного века в Самарканде. Раскопки 1962 г. // Труды СамГУ. Новая серия. Вып. 136 / Ред. М.У. Аминов. Самарканд: СамГУ, 1964б. С. 23–24.

Лев Д.Н. Итоги археологических раскопок Самаркандской палеолитической стоянки в 1964 г. // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. ТД. Баку, 1965. С. 45–46.

Лев Д.Н. Палеолит Самаркандской области и его специфические особенности / Труды СамГУ. Новая серия. Вып. 166 / Ред. М.У. Аминов. Самарканд: СамГУ, 1967. С. 100–124.

Лев Д.Н. Итоги работы археологического отряда Самаркандского государственного университета в 1966 г. / Труды СамГУ. Вып. 218. Новая серия. Самарканд: СамГУ, 1972. 101 с.

Ртвеладзе Э.В. Каури и их роль в культовых обрядах народов Средней Азии // Общественные науки в Узбекистане. 1993. Вып. 9–10. С. 62–64.

Синицын А.А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. ред. Г. А. Хлопачев. СПб.: Экстрапринт, 2016. С. 320–337.

Солдатова Т.Е. Особенности костяного оружейного набора памятников ранней поры верхнего палеолита Европы // Проблемы археологии эпохи камня / Отв. ред. Д.Г. Савинов. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 293–300.

Ташкенбаев Н.Х., Сулейманов Р.Х. Культура древнекаменного века долины Заравшана. Ташкент: Фан, 1980. 125 с.

Умаров У.А. Украшения каменного века Средней Азии (техника изготовления, топология и функция). Автореферат дисс. доктора философии (PhD) по историческим наукам. Ташкент, 2025. 57 с.

Bar-Yosef Mayer D.E., Vandermeersch B., Bar-Yosef O. Shells and ochre in Middle Paleolithic Qafzeh Cave, Israel: indications for modern behavior // Journal of Human Evolution. 2020. Vol. 56. P. 307–314.

Bouzouggar A., Barton N., Vanhaeren M., d'Errico F., Collett S., Higham T., Hodge E., Parfitt S., Rhodes E., Schwenninger J.-L., Stringer C., Turner E., Ward S., Moutmir A., Stambouli A. 82,000-year-old shell beads from North Africa and implications for the origins of modern human behavior // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2007. Vol. 104(24). P. 9964–9969.

d'Errico F., Henshilwood C., Vanhaeren M., van Niekerk K. Nassarius kraussianus shell beads from Blombos Cave: evidence for symbolic behaviour in the Middle Stone Age // Journal of Human Evolution. 2005. Vol. 48(1). P. 3–24.

Henshilwood C.S., d'Errico F., Vanhaeren M., van Niekerk K., Jacobs Z. Middle Stone Age shell beads from South Africa // Science. 2004. Vol. 304(5669). P. 404.

Kuhn S.L., Stiner M.C. Paleolithic ornaments: implications for cognition, demography and identity // Diogenes. 2007. Vol. 54(2). P. 40–48.

Peter B. Beaumont and Robert G. Bednarik. Tracing the emergence of palaeoart in Sub-Saharan Africa // Rock Art Research. Vol. 30. N. 1. 2013. P.15–22.

Robert G. Bednarik. The Significance of the Earliest Beads // Advances in Anthropology. Vol. 5. N. 1. 2015. P. 51–66.

Vanhaeren M. Speaking with beads: The evolutionary significance of bead making and use // Homo Symbolicus: The dawn of language, imagination and spirituality / C. S. Henshilwood, F. d'Errico (eds.). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2010. P. 193–211.

Информация об авторах:

Холматов Нормухаммад Уразович, доктор исторических наук, профессор, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); normahammadholmatov@gmail.com

Воробьева Елена Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт международных отношений, истории и востоковедения, Казанский (Приволжский) федеральный университет (г. Казань, Россия); доцент кафедры археологии, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); veer47@mail.ru

Эргашев Одил Турсунович, PhD, доцент, заведующий кафедрой, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); odil.arxeolog@mail.ru

Абриев Рузикул Буранович, PhD, доцент, декан исторического факультета, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); ruzikulabriyev2022@gmail.com

Умаров Улугбек Абдужабборович, PhD, ассистент, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); u@mail.ru

Бердикулов Миролим Тугалвоевич, PhD, ассистент, Самаркандский государственный университет (г. Самарканд, Узбекистан); Mirolim1729@gmail.ru

REFERENCES

Vishnyatsky, L. B. 2010. In Nosov, E. N. (ed. in chief.). *Arkheologicheskie vesti (Archaeological News)* 16. Saint Petersburg: "Dmitrii Bulanin" Publ., 190–193 (in Russian).

Voevodskiy, M. V. 1940. In *Vestnik drevnei istorii (Journal of Ancient History)* 11 (2), 180–197 (in Russian).

Derevyanko, A. P., Markin, S. V., Vasiliev, S. A. 1994. *Paleolitovedenie: vvedenie i osnovy (Paleolithic studies: introduction and fundamentals)*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

Dzhurakulov, M. D. 1972. In Samibaev, K. Kh., Dzhurakulov, M. D. (ed.). *Materialy po istorii i arkheologii Uzbekistana (Materials on the history and archeology of Uzbekistan)*. Series: Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta Novaya seria (Proceedings of the Samarkand State University. New series) Vol. 218. Samarkand: Samarkand State University, 68–70 (in Russian).

Dzhurakulov, M. D. 1987. *Samarkandskaia stoianka i problemy verkhnego paleolita v Srednei Azii (Samarkand Site and the Issues of the Upper Paleolithic in Central Asia)*. Tashkent: "Fan" Publ. (in Russian).

Dzhurakulov, M. D. 1992. *Kamennyi vek basseina Zaravshana (The Stone Age of the Zarafshon basin)*. Diss. of the Doctor of Historical Sciences in the form of a scientific report. Samarkand: Institute of Archeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan (in Russian).

Zotkina, L. V., Pavlenok, G. D., Tashak, V. I. 2018. In *Stratum plus* (1), 181–197 (in Russian).

Korobkova, G. N., Dzhurakulov, M. D. 2000. In *Stratum plus* (1), 385–462 (in Russian).

Lbova, L. V., Volkov, P. V., Dolgorukova, N., A., Barkov, A. V., Larichev, V. E. 2014. In *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, filologiya (Bulletin of the Novosibirsk State University: History, Philology)* 5 (13), 91–100 (in Russian).

Lev, D. N. 1960. In *Priroda (Nature)* (8), 77–78 (in Russian).

Lev, D. N. 1961. In *Materialy 3-i obiedinennoi konferentsii uchenykh g. Samarkanda. Seriya gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk (Proceedings of the III Joint Conference of scientists of Samarkand. Series of humanities and social sciences)*. Samarkand., 108–110 (in Russian).

Lev, D. N. 1964. In Aminov, M. U. (ed.). *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta Novaya seria (Proceedings of the Samarkand State University. New series)* Vol. 135. Samarkand: Samarkand State University, 47–49 (in Russian).

Lev, D. N. 1964. In Aminov, M. U. (ed.). *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta Novaya seria (Proceedings of the Samarkand State University. New series)* Vol. 136. Samarkand: Samarkand State University, 23–24 (in Russian).

Lev, D. N. 1965. In *Materialy sessii, posviashchennoi itogam arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy 1964 g. v SSSR (Materials of the session following the results of archaeological and ethnographic research in 1964 in the USSR)*. Baku, 45–46 (in Russian).

Lev, D. N. 1967. In Aminov, M. U. (ed.). *Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta Novaya seria (Proceedings of the Samarkand State University. New series)* Vol. 166. Samarkand: Samarkand State University, 100–124 (in Russian).

Lev, D. N. 1972. *Itogi raboty arkheologicheskogo otriada Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta v 1966 g. (The results of the work of the archaeological team of Samarkand State University in 1966)*. Series: Trudy Samarkandskogo gosudarstvennogo universiteta Novaya seria (Proceedings of the Samarkand State University. New series) Vol. 218. Samarkand: Samarkand State University (in Russian).

Rtveladze, E. V. 1993. In *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane (Social Sciences in Uzbekistan)* (9–10), 62–64 (in Russian).

Sinityn A.A. 2016. In Khlopachev, G. A. (ed.). *Verkhniy paleolit: obrazy, simvoly, znaki (Upper Paleolithic: images, symbols, signs)*. Saint Petersburg: "Ekstraprint" Publ., 320–337 (in Russian).

Soldatova, T. E. 2014. In Savinov, D. G. (ed.). *Problemy arkheologii epokhi kamnia (Issues of archaeology of the Stone Age)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 293–300 (in Russian).

Tashkenbayev, N. Kh., Suleymanov R. Kh. 1980. *Kultura drevnekamnogo veka doliny Zaravshana (The culture of the Ancient Stone Age of the Zaravshan Valley)*. Tashkent: “Fan” Publ. (in Russian).

Umarov, U. A. 2025. *Ukrasheniia kamennogo veka Srednei Azii (tekhnika izgotovleniia, topologiia i funktsiia) (The Stone Age jewelry from Central Asia (manufacturing technique, topology and function))*. Thesis of the Diss. of Doctor of Philosophy (PhD) in historical sciences. Tashkent (in Russian).

Bar-Yosef Mayer, D.E., Vandermeersch, B., Bar-Yosef, O. 2020. In *Journal of Human Evolution* 56, 307–314 (in Russian).

Bouzouggar, A., Barton, N., Vanhaeren, M., d’Errico, F., Colleutt, S., Higham, T., Hodge, E., Parfitt, S., Rhodes, E., Schwenninger, J.-L., Stringer, C., Turner, E., Ward, S., Moutmir, A., Stambouli, A. 2007. In *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 104 (24), 9964–9969.

d’Errico, F., Henshilwood, C., Vanhaeren, M., van Niekerk, K. 2005. In *Journal of Human Evolution* 48 (1), 3–24.

Henshilwood, C. S., d’Errico, F., Vanhaeren, M., van Niekerk, K., Jacobs, Z. 2004. In *Science* 304 (5669), 404.

Kuhn, S. L., Stiner, M. C. 2007. In *Diogenes* 54 (2), 40–48.

Beaumont, P.B., Bednarik, R. G. 2013. In *Rock Art Research* 30 (1), 15–22

Bednarik, R. G. 2015. In *Advances in Anthropology* 5 (1), 51–66.

Vanhaeren, M. 2010. In Henshilwood, C. S., d’Errico, F. (eds.). *Homo Symbolicus: The dawn of language, imagination and spirituality*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 193–211.

About the Authors:

Kholmatov Normakhammad U. Doctor of Historical Sciences, Professor. Samarkand State University. 15 Universitetskiy Boulevard, Samarkand, 140104; Uzbekistan; normahammadholmatov@gmail.com

Vorobeva Elena E. Candidate of Historical Sciences. Docent. Kazan (Volga Region) Federal University. Kremlyovskaya St., 18, Kazan, 420000, the Republic of Tatarstan, Russian Federation; Docent. Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; veer47@mail.ru

Ergashev Odil T. PhD, Assistant Professor, Head of the Department. Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; odil.arxeolog@mail.ru

Abriyev Ruzikul B. PhD, Assistant Professor, Dean of the Faculty. Samarkand State University. 15 Universitetskiy Boulevard, Samarkand, 140104; Uzbekistan; ruzikulabriyev2022@gmail.com

Umarov Uligbek A. Assistant. Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; u@mail.ru

Berdikulov Mirolim T. Assistant. Samarkand State University. University boulevard, 15, Samarkand, 140104, Uzbekistan; Mirolim1729@gmail.ru

Статья поступила в журнал 10.11.2025 г.
Статья принята к публикации 04.03.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу